

Интернет убивает чтение

Каким будет мир без книг – представить трудно

О литературе как о служении и о патриотизме как о вещи тревоге за своё отечество размышляет в канун 70-летия Юрий Кублановский.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Юрий Михайлович Кублановский – поэт, эссеист, публицист, критик и искусствовед. В печати дебютировал в 1970 году в сборнике «День поэзии». Автор более двадцати лирических книг, вышедших в США, Франции, России. Член Патриаршего совета по культуре. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры за 2012 год.

– Юрий Михайлович, ваша литературная судьба была очень необычной, извилистой: от самиздата до поэтических сборников, вышедших в США, Франции, а в последнюю четверть века в России... Как вы сами оцениваете своё место в литературе?

– Своё место в литературе оценить, разумеется, трудно, тут что ни скажешь, всё будет казаться нескромным. Я часто вспоминаю великое стихотворение Евгения Баратынского «Последний поэт» и его же замечательные слова: «Дарование есть поручение, которое следует выполнить как можно лучше». Поручение, конечно, не от государства, не от публики, не от стремления к знаменитости. Это, конечно же, поручение свыше. И я по мере сил стремился именно так понимаемое поручение выполнять с максимальным бескорытием и добросовестностью. Да и вообще в литературе нет, я думаю, «мест»: это не спорт, а служение.

– «Смелость. Мысль. Образ. Глубина» – так расшифровывалось название неформального литературного объединения «СМОГ», в которое вы входили в студенческие годы. Эти четыре понятия по-прежнему остаются вашим творческим кредо? Или с годами приоритеты изменились?

– «СМОГ» существовал, когда нам, его участникам, всем было по 17–18 лет, мы были ещё щенки. Для меня «СМОГ» был в первую очередь школой нонконформизма. Мы тогда уже сделали свой выбор и отказались от тех компромиссов с государством, на которые пошли, например, шестидесятники. А «Смелость. Мысль. Образ. Глубина» – конечно, с этим не поспоришь, как же без этого? Но сюда надо добавить ещё и чувство, любовь, веру и надежду. В моей поэзии постепенно выкристаллизовывались две основные темы: судьба России и поиск возможностей для её возрождения. А во-вторых, судьба нашей христианской цивилизации в целом. Конечно, всё это существует подспудно, незаметно бежит по стихотворным жилам и не бьёт читателя по лбу.

– В своих интервью вы неоднократно повторяли, что поэзия – это большая ответственность и что этот дар даётся человеку неслучайно. А в чём, на ваш взгляд, главное значение поэтического дара?

– Значение это неоднозначно. Конечно, создание стихов, когда оно не насильственно, а вдохновенно, – большое счастье. Но не будем забывать слова Гоголя о том, что со словом нужно обращаться честно, ответственно, что это главный подарок Бога человеку. Настоящая поэзия, согласно моему пониманию, служит укреплению и закалке души, характера, интеллекта. И ни в коем случае не стоит тут искусственно себя заводить: вдохновение не мотор, а чудо. Когда мне, например, не пишется, я стараюсь не терять времени даром и не понуждать понапрасну себя к творчеству, а много читать, смотреть, чтобы, когда придёт, наконец, вдохновение, встретить его во всеоружии новых мыслей, новых чувств, углублённого миропонимания.

А вот что значит поэзия для общества в целом, сформулировать трудно, потому что поэзия идёт от сердца к сердцу. Конечно, было время (вспомним шестидесятников), когда стихотворцы за счёт своей темпераментной декламации, за счёт тех сквознячков свободы, которые гуляли по их творчеству, собирали огромные аудитории, стадионы... Я и сам этому отдал дань: когда мне было 15–16 лет, ездил в Москву из Рыбинска, на скопленные гроши покупал билет в Лужники и слушал Евтушенко и Вознесенского.

Но это был короткий период, связанный с конкретным историческим временем и с тем, что приоткрылась форточка из сталинизма в нечто новое, получившее название оттепель... А в принципе поэзия существует, по-моему, не для того, чтобы возбуждать и пробуждать массы.

Я мысленно ориентируюсь на индивидуального читателя и верю, что если он не поленился погрузиться в мою поэзию, то ему воздастся: он, быть может, станет хоть чуть-чуть счастливее, сердце его немного согреется, воля немного укрепит... В конечном итоге человек станет лучше, умнее. Для этого, я убеждён, и существует поэзия.

– **Какое место занимает писатель в современном обществе? Каков его статус?**

– Этот статус падает. Не только и не столько потому, что писатели стали хуже, но потому, что вымываются из цивилизации и культуры чтение и книга. Мы все думали, что коммунистическая цензура вредит литературе, а нашёлся зверь пострашнее... Я имею в виду интернет-паракультуру, которая рассеивает сознание и отучает людей от чтения: они уже не способны сосредоточиться на тексте, тем более, если речь идёт о большом объёме или, как в случае поэзии, о большой концентрации лирического смысла. Надо смотреть правде в глаза: мы стоим на пороге принципиально новой цивилизации, когда книга и литература станут уделом немногих. Каким будет мир, когда это состоится полностью, трудно сказать. Лично я ничего хорошего для культуры не жду.

– **Вы коснулись того, что ваша основная тема – Россия и её судьба... Как думаете, обязательно ли в наследии автора должна быть гражданская лирика? Или «чистое искусство» всё же имеет право на существование?**

– Если посмотреть внимательнее, то «чистое искусство» – миф и только, и его никогда не было. Поэт – это человек, его не может не волновать окружающее, а это обязательно отразится на творчестве. Вот, например, считают чистым лириком Афанасия Фета. Но это, конечно, совсем не так. У него превосходная публицистика, замечательные очерки о пореформенной России. И то, что в его стихах нет прямой гражданской темы, отнюдь не значит, что он не был ею задет. Другое дело, что разные поэты в разной степени развивают гражданскую тему в своём творчестве. Это зависит от темперамента, от характера поэтического дара, от состава личности литератора.

– Кстати, в тему гражданской лирики: последнее время в обществе идут многочисленные споры о том, что такое патриотизм. Что лично вы вкладываете в это понятие?

– Это трезвая, без розовых очков любовь к своему Отечеству и вещающая за него тревога.

– Патриотическая поэзия – какой она должна быть?

– Я не думаю, что поэзию надо классифицировать и делить на патриотическую, религиозную или любовную. Нет таких разделений. Поэзия должна быть органичной, и органично в неё входят самые разные элементы. Когда говорят «православный поэт», я только пожимаю плечами. Религиозное начало должно присутствовать в творчестве незримо, исподволь, поэзия – вещь очень деликатная, очень аристократичная. То же касается и патриотической темы. Тот, кто в каждом стихотворении пишет про берёзки и про любовь к родине, как правило, пишет в целом глубоко провинциальную лирику, которая не переживёт наше время. Настоящие шедевры тут создаются нечасто: например, отдельные стихи Есенина, Рубцова. Они прекрасны, и прекрасны не столько потому, что они патриотичны, но потому, что они высоко талантливо.

– Где тут погост? Вы не видели?

Сам я найти не могу.

Тихо ответили жители:

– Это на том берегу.

Строфа Николая Рубцова – на века. Казалось бы, ну что тут патриотического? А ведь здесь вся наша родина.

Беседу вела Валерия Галкина